

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА, ПРИЗНАННОЙ НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ КОДЕКСУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Проблема ответственности адвокатов — одна из злободневных и актуальных проблем, стоящих перед адвокатским сообществом на современном этапе.

В зависимости от характера и последствий допущенного адвокатом нарушения правовых и нравственных предписаний возможно наступление одного из видов ответственности. Это может быть гражданско-правовая (материальная), уголовная и дисциплинарная ответственность.

Особо следует акцентировать внимание на **дисциплинарной** или **корпоративной ответственности** адвокатов, поскольку допускаемые адвокатами нарушения зачастую не только отрицательно сказываются на профессиональной чести и достоинстве конкретного адвоката, но и подрывают авторитет адвокатуры в целом как института гражданского общества.

Как показало проведенное анкетирование 132 адвокатов Курской области, 34 % опрошенных респондентов полагает, что вопросы ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей и неэтичное поведение действующим Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ урегулированы в полной мере.

В то же время свыше 52 % адвокатов не согласны с этим утверждением и считают целесообразным конкретизировать основания и пределы такой ответственности, а 6,8 % усматривают в этом пробел современного законодательства РФ об адвокатской деятельности.

Вопросы дисциплинарной ответственности адвоката перед адвокатской палатой в современных условиях регулирует Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА)².

Так, согласно ст. 19 предметом рассмотрения в дисциплинарном производстве является совершение адвокатом поступка, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, а также неисполнение или ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем, неисполнение решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

---

* © Ревина И.В., 2010

Ревина Ирина Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Курского государственного технического университета.

Дисциплинарное производство включает в себя разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ и разбирательство в Совете адвокатской палаты.

По данным Федеральной палаты адвокатов РФ, в 2007–2008 гг. квалификационные комиссии адвокатских палат субъектов РФ рассмотрели 9051 дисциплинарное производство и дали по ним заключения:

– о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и КПЭА – в 4 911 случаях;

– о прекращении дисциплинарного производства – в 4 140 случаях.

К дисциплинарной ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей привлечено 4 376 адвокатов (в 2006 г. было привлечено 2 692 адвоката, в том числе по представлениям Федеральной регистрационной службы – 105 человек).

В целом прекращен статус адвоката в 2007 г. в отношении 440 лиц, в 2008 г. – 498 лиц, в том числе по требованию органов юстиции в 2007 г. в отношении 26 лиц и 11 лиц в 2008 г.

170 решений о наложении дисциплинарных взысканий обжалованы в суд, из них 20 признаны необоснованными и отменены (в 2006 г. – 14).

Органы юстиции в указанный период направили в суд в порядке, установленном п. 6 ст. 17 Законом об адвокатуре РФ, 5 заявлений о прекращении статуса адвоката, из них 3 удовлетворены³.

К сожалению, на сегодняшний день в России дисциплинарная ответственность представляет собой лишь механизм последующего контроля за качеством оказываемой адвокатами юридической помощи, не позволяющий в полной мере обеспечить надлежащее качество работы адвокатов, особенно при их участии в процессе по назначению в порядке ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Так, в 2007–2008 гг. за неисполнение либо ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей при осуществлении защиты по уголовным делам в порядке ст. 50 и 51 УПК РФ к дисциплинарной ответственности привлечено 445 адвокатов, в отношении 31 статус был прекращен.

Проблемы, обусловленные отсутствием эффективного механизма противодействия недобросовестному исполнению профессионального долга и неэтичному поведению в уголовном судопроизводстве, в частности, необходимо рассматривать в двух аспектах.

Прежде всего, следует обратить внимание на соответствие избранной меры ответственности характеру допущенного адвокатом нарушения норм КПЭА.

Как свидетельствует обобщение дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов РФ, зачастую меры дисциплинарной ответственности применяются без учета тяжести совершенного адвокатом проступка.

Так, адвокат Х. в нарушение института адвокатской тайны после того как подзащитный С., неудовлетворенный качеством оказываемой юридической помощи по уголовному делу, расторг соглашение, стал писать жалобы в органы прокуратуры и ФСБ, используя полученную от С. как его бывшего доверителя информацию, требуя, чтобы отменили постановление о приостановлении производства по уголовному делу, возобновили предварительное расследование и осудили С. за покушение на убийство, хотя следствие такого обвинения не предъявляло...

Исследуя представленные материалы дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия Палаты адвокатов города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, вынесла заключение о нарушении адвокатом Х. при обстоятельствах, описанных в жалобе С., требований ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2, 3, 4, 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии и вынес адвокату Х. дисциплинарное взыскание в форме предупреждения...⁴

Известны и такие примеры в адвокатской практике, когда адвокаты допускают нетактичное поведение в отношении участников процесса, особенно в отношении своих коллег при коллизионной защите; нарушают деловой стиль общения, манеру поведения.

Безусловно, подобные действия несовместимы со званием адвоката и требуют применения более жесткой меры ответственности, нежели замечание или предупреждение.

В аспекте сказанного полагаем необходимым скорректировать содержание КПЭА, в частности, ч. 6 ст. 18 следующим образом:

В случае ненадлежащего исполнения или неисполнения профессиональных обязанностей, либо в случае нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвокатом впервые в отношении виновного могут быть применены такие меры дисциплинарной ответственности, как замечание либо предупреждение.

При систематическом нарушении (неисполнении) или же в случае, если подобные действия повлекли за собой существенное нарушение прав граждан либо наступление существенного вреда, статус адвоката прекращается.

Зачастую и прекращение как мера дисциплинарного воздействия недостаточно эффективна в виду низкого качества работы дисциплинарных органов.

Так, Совет Палаты адвокатов Алтайского края прекратил статус адвоката в отношении З. за то, что она, являясь защитником несовершеннолетнего по назначению, не участвовала в ознакомлении с материалами

уголовного дела, но протокол подписала. Кроме того, адвокат использовала непрофессиональный стиль общения с доверителем.

По иску адвоката суд отменил решение совета адвокатской палаты, усмотрев нарушения порядка рассмотрения жалоб и указав, что предметом рассмотрения комиссии являлись не только факты, по которым было возбуждено дисциплинарное производство, но и обстоятельства, изложенные в дополнительной жалобе⁵.

Безусловно, в данном примере допущено нарушение не только норм КПЭА, но и требований уголовно-процессуального закона, Закона об адвокатуре РФ, однако ввиду процедурных упущений адвокат избежала ответственности.

Полагаем, при подобных ситуациях не следует исключать возможность общественного осуждения и порицания аморального поведения адвоката со стороны адвокатского сообщества в целом. Соответствующие дополнения необходимо внести в ст. 25 КПЭА.

Кроме того, установление мер ответственности должно быть отнесено не к компетенции высшего органа адвокатской палаты субъекта РФ — собрания (конференции) адвокатов, как это предусмотрено в настоящее время (п. 11 ч. 2 ст. 30 Закона об адвокатуре РФ), а четко определено в отдельной норме ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» в целях унифицированной дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов РФ.

Другой аспект неэффективности корпоративной ответственности адвокатов обусловлен несовершенством процедурных основ дисциплинарного производства. Ряд вопросов возникает, в частности, применительно к признанию обращения в адвокатскую палату допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. Так, отдельные адвокатские палаты, в частности Иркутская и другие, возвращают без рассмотрения частные определения (постановления) судов, ссылаясь на ст. 20 КПЭА. Однако, по мнению Совета Федеральной палаты адвокатов РФ, судебные акты подлежат рассмотрению как сообщения судов. Данная позиция основана на судебной практике. Так, Конституционный Суд РФ в определении от 15 июля 2008 г. № 456-0-0 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указал, что «часть четвертая статьи 29 УПК Российской Федерации по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не исключает право суда оформить свое сообщение в адвокатскую палату в виде частного определения или постановления. Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дис-

циплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 г.). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)»...⁶

Заслуживает особого внимания ч. 7 ст. 23 КПЭА. Так, адвокат, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, имеет право принимать непосредственно меры по примирению с лицом, подавшим жалобу, до решения совета. Следовательно, если, к примеру, адвокат-защитник и адвокат-представитель в процессе, предположим, в прениях сторон допустили бестактные выражения в адрес друг друга, или чего хуже – оскорбительные высказывания и оценки профессиональной деятельности и личных качеств каждого из них, а затем в ходе дисциплинарного производства по данному факту достигли примирения, квалификационная комиссия согласно ст. 9 КПЭА выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие примирения сторон.

Полагаем, это весьма отрицательно сказывается не только на престиже профессии, но и на авторитете адвокатуры в обществе в целом. Именно на это и обращают внимание Советы адвокатских палат. Так, *судебным решением подтверждена правомерность привлечения адвокатской палаты Смоленской области адвоката к дисциплинарной ответственности в случае примирения доверителя и адвоката. При рассмотрении иска адвоката, чей статус был прекращен за нарушение финансовой дисциплины и недобросовестное исполнение обязанностей перед доверителем, суд сделал следующий вывод: «Совет адвокатской палаты вправе, но не обязан принимать во внимание заявление доверителя о прекращении дисциплинарного производства в связи с примирением. Положения ч. 7 ст. 19 Кодекса неприменимы в случае выявления обстоятельств, умаляющих авторитет адвокатуры в целом»⁷.*

Далее, определенные пробелы усматриваются в самом порядке применения мер дисциплинарной ответственности. Предположим, что в ходе судебного разбирательства по уголовному делу адвокат-представитель обращается с жалобой в квалификационную комиссию на неэтичное поведение защитника в процессе, и Совет адвокатской палаты принимает решение о лишении статуса адвоката, тем самым фактически оставляя подзащитного, заключившего соглашение на оказание юридической помощи, без таковой.

Соответственно необходимо урегулировать и данный вопрос, предусмотрев следующее положение в КПЭА:

Возбуждение дисциплинарного производства в отношении адвоката исключает возможность заключения им соглашения об оказании юридической помощи.

Решение Совета адвокатской палаты в отношении адвоката, допустившего нарушение требований закона или норм КПЭА, может быть вынесено исключительно после выполнения последним принятых на себя обязательств перед доверителем либо подзащитным.

Заслуживает внимания существенное замечание практикующих адвокатов относительно структуры КПЭА: нужно ли было соединять нравственные заповеди профессии с процедурными основами дисциплинарного производства? Не превращает ли такое соединение свод нравственных правил профессии в некий дисциплинарный устав?

В данном вопросе разделяем позицию А.Д. Бойкова. По убеждению процессуалиста, нравственное сознание личности материя тонкая и за счет угроз не формируется. Нравственные установки призваны отражать определенную часть духовных ценностей человека. Ими руководствуются не из боязни последствий, а потому, что иначе поступить не позволяет совесть.

Что же касается процедурных основ дисциплинарной ответственности адвоката, то им место, скорее, в положении о работе квалификационных комиссий и советов адвокатских палат. Тем более, что основания для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности могут быть связаны не только с нарушением нравственных заповедей.

Таким образом, вместо процедурных основ следовало бы дополнить Кодекс общими принципами адвокатской этики, которые бы служили ориентиром для адвоката в решении неизбежно возникающих нравственных коллизий⁸.

Таким образом, проанализированные нормы КПЭА остро стоящей на сегодняшний день проблемы недобросовестности адвокатов не разрешают, а, напротив, в отдельных случаях способствуют их безответственности. Это обуславливает необходимость внесения определенных изменений в содержание КПЭА в целях более эффективного обеспечения неотвратимости порицания поведения, противоречащего его принципам и нормам.

Примечания

¹ Далее – Закон об адвокатуре РФ. От 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (с изм. от 03.12.2007 г. № 320-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» по сост. на 10.01.2010 г.

² Далее – КПЭА. С изм. и доп. от 08.04.2005 г.; от 05.04.2007 г. // СПС «КонсультантПлюс» по сост. на 10.01.2010 г.

³ Отчет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апреля 2007 г. по апрель 2009 г. URL: <http://www.fparf.ru>.

⁴ Обзор дисциплинарной практики АП г. Москвы (по сост. на 30.06.2008 г.). URL: <http://www.businesspravo.ru>.

⁵ Информационное письмо о дисциплинарной практике адвокатских палат субъектов РФ за 2007 г. // Федеральная палата адвокатов РФ. URL: www.fparf.ru.

⁶ СПС «КонсультантПлюс» по сост. на 10.01.2010 г.

⁷ Информационное письмо о дисциплинарной практике адвокатских палат субъектов РФ за 2007 г. // Федеральная палата адвокатов РФ. URL: www.fparf.ru.

⁸ Бойков А.Д. Адвокатура и адвокаты. М., 2006. С. 59.

А.С. Таран*

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ ДОВЕРИТЕЛЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ОТВОДА АДВОКАТА

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, «защитник, представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им обвиняемого, подозреваемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика».

УПК РФ не содержит оговорки, что указанный запрет действует при наличии конфликта интересов «по данному делу», используемой УПК РСФСР (ст. 67.1). Тем самым он не ограничивает действие этой нормы рамками одного и того же судопроизводства. Мало того, он еще и не ставит этот запрет в зависимость от вида судопроизводства, т. е. он действует независимо от того, в каком судопроизводстве (уголовном, гражданском и т. д.) осуществлялась адвокатом юридическая помощь.

Данная новелла отражает интересы достаточно большого количества субъектов. Прежде всего, лицо, которому эта помощь оказывалась в прошлом, ограждается от угрозы разглашения адвокатской тайны и от весьма сомнительных с этической точки зрения ситуаций, когда ему придется выступать против адвоката, которому оно в прошлом доверилось. С другой стороны, защищает лиц от положений, при которых их будет защищать адвокат, руки которого связаны предыдущими обязательствами и отношениями. Не следует забывать и о самом адвокате, которого выступление против своего бывшего доверителя и необходимость остерегаться того, чтобы не быть обвиненным в разглашении адвокатской тайны, могут достаточно серьезно обременять.

---

* © Таран А.С., 2010

Таран Антонина Сергеевна — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета